

ВОСПОМИНАНИЯ

70 лет
со дня
освобождения
Гомеля

Он был уверен, что останется жить

Командир пулемётного расчёта, старший сержант Павел Подзоров попал на фронт сразу после девятого класса. При собственном весе не более 60 килограммов ему доводилось тащить в атаке 66-килограммовый пулемёт «Максим» по полям сражений. «Да прибавьте к этому три 10-килограммовые коробки с патронами. Катить в атаке пулемёт было нельзя, иначе сбивался прицел. Несли оружие на спине. Когда потерял в бою двух бойцов из расчёта, вся ноша легла на оставшихся троих. Спрашиваете, было ли мне тяжело? Не то слово», — с дрожью в голосе вспоминает ветеран, который в ноябре 1943 года воевал на подступах к Гомелю.

Фото Павла Далецкого.

«ЗА ОТВАГУ»

В октябре 348-я дивизия 1172-го стрелкового полка, где служил Павел Подзоров, вступила на белорусскую землю. Бойцам предстояло взять высоту у деревни Шерстин в 25 километрах от Гомеля, но прежде, чем это сделать, нужно было форсировать реку Сож.

Перед наступлением, чтобы узнать, как устроена оборона, определить огневые точки, необходимо было взять языка. «Из нашей роты выбрали трёх человек для группы захвата», — рассказывает Павел Подзоров. — Это были рослые, здоровые и крепкие ребята. А для осуществления задуманного организовали левую и правую, в которую я попал, группы прикрытия». Солдаты подползли к траншее и стали ждать появления немецкого солдата, которого нужно было взять в качестве языка. «В окопе показался фашист. Один парень из группы захвата прыгнул на

него сверху, попытался обездвигнуть, но немец оказался крепким и подмял разведчика под себя. Тогда ещё двое наших бойцов бросились на врага», — вспоминает ветеран. В результате поднялся шум, и неприятель обнаружил разведчиков. В их сторону бросили гранаты, но они разорвались не долетев. «Тогда всколыхнулась вся вражеская оборона. Фашисты начали «лупить» по нам из пулемётов. В воздух взмыла ракета. Это был приказ для нашего отхода». Разведчики доволокли языка до Сожа, но, когда стали тормозить немца, увидели, что он уже не жилец. За эту вылазку Павел Подзоров получил медаль «За отвагу».

УВЕРЕННОСТЬ БОЙЦА

«Если бы тогда знал, что каждая гильза, каждый патрон станет реликвией, взял бы с фронта хотя бы котелок или

ложку. А кто тогда думал, что в этой мясорубке жить останется? — рассуждает ветеран. — Вы спрашиваете, было ли страшно? Тогда никто не спрашивал. Но я был уверен, что меня не убьют. У меня такое чувство было, что если меня убьют, то и мир весь развалится. А этого я допустить не хотел». Эта мысль преследовала солдата и на подступах к Гомелю в брянских лесах. «Там, при обстреле, немецкие снаряды и мины до земли не долетали — ударялись в ветку или в ствол и взрывались над головой», — вспоминает Павел Михайлович. — Если ты прятался в окопе, а над тобой взрывалась мина или снаряд, то его осколки всё равно настигали бойца. Так погиб наш секретарь партийной организации, над которым разорвалась мина, «припечатав» парня к земле. Кто-то может сказать, что сражался без страха. Это сложно представить. Все жить хотели. Кто-то пересиливал себя и прятал страх глубоко внутри, а кто-то малодушничал. Но от войны никуда не денешься — всё равно нужно было идти в бой».

В ЗАЛЕДЕНЕВШЕЙ ШИНЕЛИ

«Чтобы незаметно занять плацдарм на вражеском берегу, две наши роты ночью стали переправляться на подручных средствах через Сож. Солдаты плыли в холодной

воде, держась за брёвна, пустые бочки, — вспоминает Павел Михайлович. — Я же попал на тот берег по лёгкому мосту, который успели навести солдаты». В начале ноября наши части окопались на вражеском берегу и стали ждать приказа к наступлению. «Каждый день молотил дождь, а к вечеру землю прихватывал морозец. Потом начался снег с дождём. А мы были только в шинелях. Спали в окопах, где каждый солдат прорывал себе углубление. На землю стелили траву. И ложились на неё в шинели, насквозь пропитанной дождём. Что удивительно, почти никто не заболел. Выносливость у солдат была фантастическая! Утром просыпаешься — шинель заледенела, а изо рта пар идёт, — рассказывает о фронтовых тяготах ветеран. — Ели дважды в день — поздно ночью и в сумерках рано утром. Давали на ужин 800 граммов хлебушка, пшённую или гречневую кашу». Еду солдатам доставлять было сложно, так как полевой кухня находилась по ту сторону Сожа. «Поесть днём было невозможно — нас сразу же отстреливали снайперы», — подчёркивает рассказчик. Также Павел Подзоров, говоря о боях, добавляет, что пулемётные расчёты «Максим» были самым лакомым кусочком для фашистских снайперов, миномётов и орудий: «потому что они для немецкой пехоты были настоящей могилой».

«ПОВЕЗЛО»

Позиции немцев возле деревни Шерстин находились на возвышенности. «Враг просматривал нас полностью, — говорит ветеран. — В итоге первую нашу атаку отбил». И вот на рассвете 13 ноября солдаты вновь поднялись и пошли на врага. «В повторной

атаке бегу, ташу за собой пулемёт, и мне будто палкой или дубиной как ударило в позвоночник! — вспоминает Павел Михайлович. — Я упал, как подкошенный. Понял, что ранен. Гляжу, остальные солдаты назад побежали. Эта атака тоже провалилась». Павел дополз до реки и стал дожидаться сумерек. «Помню, как меня подобрали свои на лодке, налили сто граммов спирта, — говорит он. — Сказали, что мне повезло, и на поле боя осталось много убитых». Осколок перебил Павлу Подзорову три ребра и скользнул по позвоночнику. Оперировавший хирург сказал 18-летнему бойцу: «Ты в рубашке родился. Ещё бы чуток, и позвоночник был бы разорван. Тогда бы ты никогда не поднялся на ноги».

Павел Михайлович пять месяцев пробыл в госпитале. Там он получил письмо от старшины роты, в котором однополчанин писал: «Павел, ты оказался счастливым. Деревню Шерстин мы взяли через два дня. Командир роты лейтенант Окраков был убит, командир взвода младший лейтенант Абдрушев убит. Потери громадные». Но это была не просто деревня, а рубеж, без преодоления которого сложно было освободить Гомель.

Сейчас с правой стороны от въезда в Шерстин находится захоронение, где покоятся 900 человек, сражавшихся здесь в ноябре 1943 года. «Там лежат мои друзья, — говорит с чувством горечи ветеран. — Мой хороший друг командир пулемётного расчёта татарин Асанов. Наши ротные и взводные командиры. Они шли в цепи атаки и погибали одними из первых. Командиры взводов вообще больше недели не воевали. Либо получали ранение, либо погибали смертью храбрых. Другого пути не было».